

ДВА КРЕСТА

И. МОЖЕЙКО

Кандидат исторических наук

В МЕДАЛЬОНЕ старомодного бронзового креста профиль милой девочки со вздернутым носиком, с перехваченными ленточкой на затылке волнистыми, видимо, светлыми волосами. Эта девочка дважды вмешалась в жизнь Василия Малыгина, хотя, возможно, никогда и не слышала его имени. Эта девочка осудила его на 20 лет тюрьмы и выпустила на свободу спустя три года.

Историки игнорируют награды — медали, кресты, ордена — и упоминают о них походя, большей частью когда дело касается генералов и фельдмаршалов. Науке о наградах — фалеристике еще предстоит занять свое место в ряду других исторических наук, и ей есть в чем помочь историкам.

Пример тому — два голландских креста конца прошлого века, непосредственно связанные с покорением Индонезии, с последним этапом борьбы индонезийцев за свободу. Кресты эти не предназначались для выдачи генералам и вельможам — их получили те из солдат, которым удалось пережить военные кампании в джунглях Суматры и Ломбока.

На первом из них изображена девочка — будущая королева Нидерландов Вильгельмина. Под медальоном год — 1894, на лопастях названия: «Ломбок», «Матарам», «Чакранегара».

Пожалуй, это один из наиболее редких голландских военных крестов. И вот почему: небольшой индонезийский остров Ломбок был одним из владений Голландии, власть в котором продолжала оставаться в руках местного раджи, и уступать ее пришельцам раджа не намеревался. Поход, предпринятый голландцами на столицу острова Матарам, был удачен. Наследный принц заколол себя кинжалом, раджа согласился заплатить контрибуцию. На самом же деле ломбокцы решились на продолжение борьбы. И в этом им помог советник султана, выходец из Молдавии Василий Малыгин, которого забросила в те края судьба после нескольких лет скитаний по Азии. О Малыгине сохранилось мало документов — до сих пор неизвестно, например, где и когда он умер, и исследовательнице его жизни и деятельности Е. Гневушевой пришлось провести много времени в

архивах, чтобы собрать воедино упоминания о нем в прессе и документах.

Василий Малыгин предложил ломбокскому радже напасть на голландское войско ночью. Ранее ломбокцы не знали ночного боя, и голландцы, будучи отлично информированы об этом, ночью отдыхали спокойно. 26 августа 1894 года ломбокский отряд во главе с Малыгиным напал на осадивших крепость Чакранегару голландцев. Генерал и 12 офицеров, командовавших экспедиционными

тюремным заключением сроком на тридцать лет. А умышленное убийство американского гражданина карается смертной казнью через удушение в газовой камере, сэр германский шпион!

— Довольно! Я никого не убивал! — раздраженно промолвил Лорхе. Он начинал терять терпение. — И хватит в конце концов молоть чепуху! Учтите, что все входы в отель блокированы моими людьми. Если ровно в одиннадцать я не выйду из гостиницы, мои мальчики вышибут эту дверь! А заодно и ваши свинячьи мозги, мистер Кабан!

Сэм опешил. Он даже вздрогнул, словно мороз подрал по коже, хотя в комнате было жарко. Солнце уже смотрело с балкона в стеклянную дверь.

Раз немец знал его кличку, то ему, бесспорно, было известно многое. Видимо, среди шишек из «Коза ностра» у него были свои люди. Стараясь выиграть время, Сэм включил вентилятор и опустил штору. Он позволил Лорхе подойти к столу и забрать бумажник, ключи и документы.

— Покажите пленку! — потребовал немец.

Сунув оба пистолета в карманы шорт, Сэм

зашел в туалет и выудил из бачка пластиковый мешок с пластмассовой кассетой.

— Вот она! — сказал он.

Лорхе вскрыл мешочек, достал кассету, вытянул из прорези черный язычок и внимательно осмотрел пленку. Тонкая желтая змейка магнитофонной ленты была помечена у края небольшой синей звездой. Лорхе довольно хмыкнул и заявил:

— Пленка в порядке. Я беру. Даю сто тысяч.

Сэм приободрился. Праздничная индейка уже приближалась. План дальнейших действий вырисовывался отчетливо, как дорожная карта. В одиннадцать открывается банк. Для солидности он подойдет на «Форде». Машину следует вызвать из бара немедленно и распорядиться, пусть по дороге купят ему новый костюм. Затем он отправится к Алмазной голове. На шоссе надо будет посадить какого-нибудь солдата или моряка с военной базы. Попутчика подходящей комплектации. На сорок втором километре, где шоссе из чащи вырывается на плато, над океаном есть крутой поворот. В лесу попутчика следует оглушить, переодеть в свою одежду, а на повороте пустить телегу под откос. Так сказать,

силами, были убиты, погибло более половины солдат, остальные бежали. Вскоре был очищен от голландцев весь остров.

Новая карательная экспедиция не заставила себя долго ждать. В ней участвовало более четырех тысяч солдат. После отчаянной осады крепость Чакранегара пала, Малыгин был вскоре арестован и именем девочки Вильгельмины осужден на 20-летнее тюремное заключение. Но в конце 1898 года по амнистии в честь совершеннолетия королевы Малыгин был вы-

пущен на свободу и отправлен на родину под надзор полиции.

Голландский крест за ломбоксую кампанию 1894 года остался объективным свидетелем войны: простоволосая милая девочка окружена словами, напоминающими о выстрелах, крови, героизме и колониальной жестокости. Он давался голландцам — участникам экспедиции, — а их в живых осталось немного.

Второй голландский крест — обычный крест, выдававшийся за боевые заслуги в колониальных войнах. У того, что изображен здесь, самое интересное — планки на ленточке. Первая гласит: «Аче 1873—1890», вторая — «Аче 1896—1900». Этот крест напоминает еще об одной колониальной войне, затянувшейся более чем на четверть века, войне упорной и отчаянной. Султанат Аче, занимавший часть острова Суматра, никак не желал покориться голландцам. Более того, послы Аче предприняли попытки найти поддержку за рубежом, для чего в Сингапуре они связались с консулами Италии и США, прося о помощи. Италия в том районе не имела политических интересов, однако консул США заинтересовался предложением о союзе и составил с ачехцами проект торгового договора. Голландцы, обеспокоенные наступлением на их владения других колониальных держав, заключили, что пора действовать решительно. Воспользовавшись как предлогом письмом голландского консула в Сингапуре, якобы сообщившего о возможной по-

сылке в Аче американской военной эскадры, батавские власти начали Ачехскую войну.

Она оказалась одной из самых трудных и кровопролитных войн в истории колониализма.

Наиболее трудные времена для голландцев наступили в 1896 году, когда на сторону восставших перешел со своим отрядом выдающийся деятель национально-освободительного движения Индонезии Туку Умар. Последующие три года война велась с переменным успехом, и лишь после смерти захваченного голландцами Туку Умара она пошла на убыль. Однако по крайней мере еще десять лет не прекращалась партизанская борьба на Суматре.

Крест, изображенный здесь, поистине уникален. Очевидно, он принадлежал кому-то из ветеранов, смогших участвовать в Ачехской войне как первого периода, так и в боях с Туку Умаром. А таких офицеров насчитывались единицы. Ни в одной из колониальных войн Голландия не несла таких потерь, как в Ачехской войне.

концы в воду. Старый, но весьма действенный трюк.

До вечернего выпуска последних известий люди Джозефа Бонанно в Гонолулу будут в твердой уверенности, что их подопечный намерен покинуть Гавайи не раньше следующего утра курсом на Лос-Анджелес, то есть прямехонько в штаб-квартиру «Коза ностра» в Калифорнии. Подробности о катастрофе на сорок втором километре они смогут узнать лишь тогда, когда бравый моряк или солдат уже успеет превратиться в Токно в молодого преуспевающего бизнесмена и вылететь в Новую Зеландию. Или в Австралию.

— Сто пятьдесят тысяч! — решил Сэм. — Это мое последнее слово. И ни гу-гу Федеральному бюро расследований! Согласитесь, полтораста кусков — вполне достойная цена за пособничество в иностранной разведке!

— Я не разведчик, я политик! — обиженно возразил Лорхе. — Я рискуя собой только во имя Великой Германии и ее будущего!

— Хайль Гитлер! — свирепо прорычал Сэм. — Мне-то какое дело? Гоните монету. Хватит тянуть резину!

— Договорились. Только верните мне мой пистолет. Это подарок.

— Черта с два, мистер шпион! Сначала чек, потом — шагом марш отсюда! А пушку я оставляю себе на память о нашей встрече, так будет надежней. Я, знаете ли, не привык зря рисковать своей шкурой.

Его кабаныи глазки светились хитростью.

— Что с вами поделать! — согласился Лорхе.

Он вытер платком влажные ладони, достал чековую книжку и уселся за стол напротив Сэма. Затем вынул из кармана толстую шариковую ручку и, приподняв ее острие, нажал на кнопку держателя. Тонко зашипел сжатый воздух, и миниатюрная оперенная игла вонзилась Сэму в щеку. Наркотик подействовал мгновенно. Глаза американца удивленно замерли, остекленели, и он глухо ударился головой о цветастую скатерть стола.

«Сто пятьдесят тысяч долларов — слишком большая цена за kota в мешке!» — подумал Лорхе, забирая со стола кассету с пленкой.

(Продолжение в № 5)